ДЖЕЙМС БАЛЛАРД

БЕЗУМЦЫ

Безумцы
Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард
Безумцы

Аннотация

Психотерапию законодательно запретили. За нарушения может последовать тюремное заключение, что и произошло с доктором Чарльзом Грегори. Как же лечить людей, склонных к безумию?

Джеймс Баллард

Безумцы

В десяти милях от Александрии он выехал на береговую дорогу, проходившую по верхушке континента, через Тунис и Алжир к трансатлантическому туннелю в Касабланке, разогнал «ягуар» до 120 и понесся сквозь прохладную ночь. Напитанный солью морской воздух впивался в шестидневный загар. За окном мелькали пальмы. Откинувшись на спинку сиденья, он едва не пропустил девушку в белом плаще, махавшую со ступенек отеля в Эль-Аламейне, но все же остановился под ржавеющим неоновым знаком.

— Тунис? — крикнула девушка, оборачивая мужской плащ вокруг тонкой талии и откидывая за плечо длинные черные волосы, постриженные по моде, популярной на Левом берегу.

— Тунис — Касабланка — Атлантик-Сити, — крикнул в ответ Грегори, протягивая руку к пассажирской дверце. Устраиваясь поудобнее среди газет и журналов, она сунула за сиденье желтый чемоданчик. Машина с ревом сорвалась с места. На мгновение в свете фар мелькнул патрульный автомобиль Объединенного ми-

ра, припаркованный под пальмами у входа на военное кладбище. Грегори невольно моргнул и вдавил в пол педаль газа. Лишь убедившись, что дорога свободна, он отвел глаза от зеркала заднего вида.

На 90 милях в час он расслабился и, снова ощутив предупредительный сигнал, посмотрел на девушку. Вытянутое меланхоличное лицо и серая кожа — как у любого деми-битника, но было что-то в ее ритмах, вялом тонусе лица и безжизненных глазах и рте, что вызвало у него беспокойство. Под полой плаща он заметил юбку в голубую полоску, очевидно, часть какой-то формы, но и юбка, и весь прочий наряд выглядели на ней странно и неуместно. А когда она сунула журналы в бардачок, Грегори увидел на левом запястье самодельную повязку.

Девушка поймала его взгляд и улыбнулась — слишком широко и беззаботно — и, сделав явное усилие над собой, включилась в светскую беседу.

— «Пари вог», «Нойе франкфуртер», «Тель-Авив экспресс» — определенно не сидится на месте. — Она достала из нагрудного кармана пачку «Дель Монтес» и завозилась с большой латунной зажигалкой как с чем-то непривычным. — Сначала Европа, потом Азия, теперь Африка, с континента

на континент. — Она помолчала, потом неуверенно добавила: — Кэрол Стерджон. Спасибо, что взяли.

Грегори кивнул. Повязка на тонком, худеньком запястье понемногу сползала вниз. Интересно, из какой больницы он сбежала? Может быть, из «Кэйро дженерал», где все еще носили старомодную английскую форму. Он поставил бы десять против одного на то, что чемоданчик набит фармацевтическими образцами какого-нибудь беспечного коммивояжера.

— Позвольте спросить, вы куда направляетесь? Сезон уже закончился.

Девушка пожала плечами.

— Куда глаза глядят. Каир, Александрия… ну, сами знаете. Хотела посмотреть на пирамиды. — Она откинулась на спинку кресла, слегка коснувшись его плеча. — Красота. Самые древние штуки на земле. Как они там говорят, «прежде, нежели был Авраам, Я есмь»[1].

Машину тряхнуло на неровности, и из-под рулевой колонки выскользнули водительские права Грегори. Девушка наклонилась прочитать, что там написано.

---

[1] Примечания: 1
Евангелие от Иоанна 8:58.

— Не возражаете? До Туниса путь долгий… Чарльз Грегори, доктор медицины… — Она неуверенно пошевелила губами, повторяя имя про себя, потом вдруг вспомнила: — Грегори! Доктор Чарльз Грегори! Это же вы… Мюриель Бортман, утопилась в Ки-Уэсте. Вас еще осудили…

Девушка не договорила и нервно уставилась в ветровое стекло.

— У вас хорошая память, — негромко сказал Грегори. — Я уж думал, что никто и не помнит.

— Конечно, помню, — голос ее упал до шепота. — Только безумцы могли так поступить с вами.

Следующие несколько минут из нее изливался поток сочувствий вперемешку с разрозненными деталями из ее собственной жизни. Грегори старался не слушать и, сжав руль так, что побелели костяшки пальцев, старательно выбрасывал из головы все, о чем она напоминала.

Он почувствовал приближение паузы — такое случалось всегда.

— Скажите, доктор… Надеюсь, вы простите, что я спрашиваю… после принятия «Закона об интеллектуальной свободе» на помощь рассчитывать трудно, приходится быть осторожной… вы, конечно, тоже… — Попутчица нервно рассме-

ялась. — То есть я имею в виду…

Своей нервозностью она будто вытягивала из него силы.

— …вам нужна психиатрическая помощь, — отрезал он, разгоняя «ягуар» до 95 километров в час и снова заглядывая в зеркало заднего вида. Дорога была пуста, и бесконечные пальмы убегали в ночь.

Девушка поперхнулась сигаретой, и зажатый между пальцами окурок превратился в размякший огрызок.

— Ну, вообще-то не мне. Одной близкой подруге. Поверьте, доктор, ей действительно нужна помощь. Ей все безразлично, никакого интереса к жизни не осталось, смысла ни в чем не видит.

— Скажите ей, пусть смотрит на пирамиды, — жестоко отозвался он.

Попутчица иронии не заметила и тут же быстро заговорила:

— Да она смотрит. Осталась в Каире. Я обещала найти ей кого-нибудь. — Девушка повернулась и внимательно, даже изучающе, посмотрела на Грегори, а потом, подняв руку, поправила волосы. В синем свете пустыни она напомнила доктору тех мадонн, которых он видел в Лувре через два дня после освобождения, когда, выйдя из грязной,

мерзкой тюрьмы, бросился на поиски самого прекрасного в мире, тех тринадцатилетних с серьезно-торжественными лицами, благословенных высшей красотой, что позировали и Леонардо, и братьям Беллини. — Подумала, может, вы кого-то знаете.

Он сдержался и покачал головой:

— Нет, не знаю. За последние три года растерял все контакты. Да и в любом случае это запрещено законами об интеллектуальной свободе. Знаете, что будет, если меня поймают на психиатрическом консультировании?

Словно окоченев, девушка смотрела прямо перед собой, на дорогу.

Грегори щелчком выбросил окурок и поддал газу. Воспоминания последних трех лет, подавить которые он надеялся этой 10 000-мильной гонкой, нахлынули вновь. Три года на ферме при тюрьме возле Марселя. Три года в диспансере, где приходилось лечить золотушных рабочих и моряков, даже проводить незаконные сеансы с полицейским капралом, который не мог удовлетворить свою жену. Три горьких года, чтобы понять, что ему никогда уже не позволят заниматься тем единственным делом, в котором он мог полностью себя реализовать. Мозгоправ или

целитель неуспокоенных, каким бы титулом его ни награждали, теперь психиатр ушел в историю, вступив в ряды некромантов, колдунов и прочих адептов темных знаний.

«Закон об интеллектуальной свободе», принятый десятью годами ранее ультраконсервативным правительством Объединенного мира, прямо и недвусмысленно запретил эту профессию и освятил право каждого быть при желании безумным — с условием, что он несет полную гражданскую ответственность за любые нарушения закона. Здесь-то и крылся подвох, скрытый смысл «Закона об интеллектуальной свободе». То, что началось как широкая реакция против «подсознательной жизни» и неконтролируемого расширения техник массового манипулирования для достижения политических и экономических целей, быстро обернулось систематическим наступлением на психологическую науку. Сверхтерпимые суды с их попустительством правонарушителям, псевдопросвещенные реформаторы уголовного права, «жертвы общества», психолог и его пациент — все оказались под жестоким ударом. Стремясь избавиться от собственной неудовлетворенности и найти подходящего козла отпущения, новые правители

и избравшее их большинство объявили вне закона все формы психологического контроля, от безобидных рыночных исследований до лоботомии. Предоставленные самим себе, обделенные состраданием и вниманием, душевнобольные платили за свои слабости полной мерой. Священной коровой общества стал психотик, вольный бродить, где ему хочется, пускать слюни на крылечке, спать на тротуаре и проклинать каждого, пытающегося помочь ему.

Именно эту ошибку и совершил Грегори. Сбежав в Европу, на родину психиатрии, с надеждой найти там бóльшую терпимость, он, с шестью другими эмигрантами-аналитиками, открыл в Париже подпольную клинику. Пять лет они работали вполне успешно, пока не вскрылось, что одна из пациенток, высокая, нескладная девушка с психогенным заиканием, — это Мюриель Бортман, дочь Президента Объединенного мира. Все закончилось трагически — в клинику нагрянула полиция, а после смерти пациентки показательный и больше напоминающий шоу суд с бесконечными демонстрациями использования электроконвульсаторов, показом фильмов об инсулиновой коме и свидетельствами бесчисленных выловленных в закоулках параноиков,

завершился вынесением приговора. Три года.

И вот теперь он вышел наконец на свободу и, вложив сбережения в «ягуар», бежал из Европы, оставляя тюремные воспоминания на пустынных хайвеях Северной Африки. Меньше всего Грегори хотел новых проблем.

— Я бы помог, — сказал он девушке, — но риск слишком велик. Вашей подруге остается одно: постараться договориться с собой.

Девушка раздраженно пожевала губу.

— Не думаю, что у нее получится. Но все равно спасибо, доктор.

Три часа они сидели молча в летящей по трассе машине. Потом впереди, вдоль долгого изгиба бухты, появились огни Тобрука.

— Сейчас два часа ночи, — сказал Грегори. — Здесь есть мотель. Утром я вас заберу.

После того как они разошлись по комнатам, он осторожно вернулся к столу администратора и перерегистрировался в новое шале.

Грегори уже уснул, а Кэрол Стерджон все ходила по веранде, шепча его имя.

* * *

После завтрака, возвратившись с моря, он уви-

дел во дворе большую машину Объединенного мира и санитаров с носилками.

Высокий полковник ливийской полиции, прислонившись к «ягуару», постукивал кожаной дубинкой по ветровому стеклу.

— А, доктор Грегори. Доброе утро. — Он указал на автомобиль скорой помощи: — Ужасная трагедия. Такая красивая девушка.

Грегори застыл как вкопанный и лишь усилием воли удержался на месте — первым порывом было подбежать к машине и поднять простыню. Лишь полковничья форма да тысячи утренних и вечерних проверок удержали его на месте.

— Я — Грегори, да. — В горле как будто застрял ком пыли. — Она мертва?

Полковник провел палкой по шее.

— От уха до уха. Должно быть, нашла старое лезвие в ванной. Около трех часов ночи. — Махнув дубинкой, он направился к шале Грегори. Доктор проследовал за ним и неуверенно остановился у кровати.

— Я в это время спал. Портье может подтвердить.

— Разумеется. — Полковник окинул взглядом разложенные на покрывале вещи, небрежно тронул черную медицинскую сумку.

— Она просила вас о помощи? Помощи с личными проблемами?

— Не напрямую. Хотя и намекнула. Похоже, была немного не в себе.

— Бедняжка. — Полковник сочувственно опустил голову. — Ее отец — первый секретарь в каирском посольстве, в некотором смысле тиран. Вы, американцы, очень строги по отношению к своим детям. Твердая рука нужна, да, но понимание ничего не стоит. Согласны? Она боялась его, поэтому и сбежала из Американского госпиталя. Мое дело — предоставить властям объяснение случившегося. Если бы я знал, что беспокоило ее на самом деле… вы ведь, конечно, помогли ей чем только могли?

Грегори покачал головой:

— Нет, полковник, я ничего для нее не сделал. Я вообще отказался обсуждать с ней ее проблемы. — Он натянуто улыбнулся полицейскому. — Не хотелось бы повторять одну и ту же ошибку, понимаете?

Секунду-другую полковник задумчиво смотрел на него.

— Разумное решение, доктор. Но вы меня удивляете. Люди вашей профессии считают себя призванными нести ответ только перед высшей

властью. Или эти идеалы так легко отбросить?

— У меня была большая практика. — Он кивнул полковнику и начал собирать вещи; полицейский козырнул и вышел во двор.

Через полчаса Грегори уже мчался по дороге в Бенгази, держа «ягуар» на 100 милях в час, сжигая напряжение и злость в бешеном порыве скорости. Проведя на свободе всего лишь десять дней, он снова вляпался и теперь мучился из-за угрызений совести, потому что отказал в помощи человеку, который отчаянно в ней нуждался. Он мог бы принести ей облегчение, но отвел руку помощи из-за безумных наказаний. Убрать следовало не только идиотский закон, но и тех, кто его навязал, — Бортмана и его приятелей-олигархов.

Грегори поморщился, представив холодное восковое лицо Бортмана, обращающегося к Мировому сенату в Лейк-Саксесс с требованием ужесточения наказания для преступников-психопатов. Этот деятель ничем не отличался от инквизиторов XIV века, и его бюрократический пуританизм прикрывал две истинные одержимости: грязь и смерть. В любом здоровом обществе Бортмана навсегда посадили бы под замок или провели ему полный лифтинг мозга.

Пусть не напрямую, именно Бортман нес от-

ветственность за смерть Кэрол Стерджон и был виновен так же, как если бы лично вложил ей в руку бритвенное лезвие.

После Ливии — Тунис. Грегори мчался по береговой дороге, не сбрасывая скорости, оставляя справа сияющее, как расплавившееся зеркало, море, избегая больших городов по возможности. К счастью, дела здесь обстояли получше, чем в Европе. Психотики шатались по окраинным паркам, воздерживаясь от магазинных краж и стараясь не причинять никому неприятностей — разве что забредали порой на кофейные террасы да стучали по ночам в двери отелей.

В Алжире он провел три дня в отеле «Хилтон» — поставил новый мотор и разыскал Филиппа Калундборга, старого коллегу по Торонто, работающего теперь в детской больнице Всемирной организации здоровья.

За третьим графином бургундского Грегори рассказал приятелю о Кэрол Стерджон.

— Это абсурдно, но я чувствую свою вину перед ней. Самоубийство — акт в высшей степени суггестивный, а я напомнил ей о смерти Мюриель Бортман. Черт возьми, мог бы дать самый общий совет, что-то такое, что предложил бы любой разумный непрофессионал!

— Опасно. И, конечно, ты правильно поступил, — заверил его Филипп. — После трех лет заключения кто бы взялся действовать иначе?

Грегори посмотрел через террасу на поток машин, мчащихся по залитым неоновыми отблесками мостовым. Нищие, сидевшие вдоль тротуара, клянчили у прохожих мелочь.

— Филипп, ты не представляешь, какой стала Европа. По меньшей мере пять процентов населения нуждаются в стационарном уходе. Поверь, мне страшно уезжать в Америку. В одном только Нью-Йорке с крыш прыгают примерно десять человек в день. Мир превращается в сумасшедший дом, одна половинка общества тайно торжествует, наблюдая страдания другой. Многие просто не сознают, по какую сторону решетки находятся. Тебе легче. Здесь традиции другие.

Калундборг согласно кивнул:

— Твоя правда. В деревнях центральной части страны веками придерживаются стандартной практики ослеплять шизофреников и выставлять их напоказ в клетке. Несправедливость распространена столь широко, что терпимость постепенно вырабатывается ко всем ее формам без разбора.

Молодой мужчина, высокий и чернобородый, в

линялых хлопчатобумажных слаксах и пляжных сандалиях, прошел через террасу и положил руки на их столик. Глаза глубоко прятались подо лбом, вокруг губ темнели коричневые пятна, выдавая отравление.

— Кристиан! — сердито выдохнул Калундборг и, беспомощно пожав плечами, с тихим вздохом раздражения повернулся к юноше. — Мой дорогой, это продолжается слишком долго! Я не могу тебе помочь. И не проси, это бесполезно.

Молодой человек терпеливо кивнул.

— Дело в Мари, — произнес он негромким грубоватым голосом. — Я не в состоянии ее контролировать. Боюсь, она может сделать что-то с ребенком. Вы же знаете, послеродовая абстиненция…

— Чепуха! Я же не идиот. Ребенку почти три года. Если Мари дошла до нервного истощения, то это из-за тебя. Поверь, я не стал бы помогать, даже если бы получил на то разрешение. Ты должен излечиться самостоятельно, а иначе — крышка. У тебя уже хроническая зависимость. Вот и доктор Грегори может подтвердить.

Грегори кивнул.

Секунду-другую молодой человек мрачно смотрел на Калундборга, потом взглянул на Грегори

и, повернувшись, побрел между столиками.

Калундборг налил себе еще вина.

— Они все неправильно понимают. Думают, наша работа состояла не в том, чтобы лечить от пристрастия, а в потакании ему. В их пантеоне фигура отца всегда великодушна и благосклонна.

— Именно это постоянно твердил Бортман. Психиатрия, по своей сути, беспредельно терпима, она поощряет слабость и безволие. Все ведь сходятся в том, что нет человека более прямого и чистосердечного, чем обсессивный невротик. Сам Бортман в этом отношении хороший тому пример.

Войдя в свой номер на десятом этаже, Грегори увидел уже знакомого чернобородого юношу, роющегося в его саквояже на кровати. Уж не шпион ли, подумал он, и не была ли встреча на террасе хитроумной ловушкой?

— Нашли, что нужно?

Кристиан закончил перебирать вещи и раздраженно столкнул саквояж на пол. Потом отступил от Грегори за кровать и обвел комнату жадным взглядом, задержавшись на верхних ящиках гардероба и настенных бра.

— Калундборг был прав, — спокойно заметил

Грегори. — Вы только понапрасну теряете здесь время.

— К черту Калундборга, — негромко рыкнул Кристиан. — Работает не на тех уровнях. Думаете, я джазовый рай ищу? С женой и ребенком? Нет, не настолько уж я безответственен. У меня магистерская степень по юриспруденции. Получил в Гейдельберге. — Он прошелся по комнате, остановился и пристально посмотрел на доктора.

Грегори начал задвигать ящики.

— Ну вот и возвращайтесь к вашей юриспруденции. Болезней в мире предостаточно.

— Я уже сделал первый шаг. Вам Калундборг ничего не рассказывал? Я подал на Бортмана в суд — за убийство. — Видя, что доктор смотрит на него озадаченно, Кристиан пояснил: — Дело не уголовное, а гражданское. Мой отец покончил с собой пять лет назад после того, как Бортман вышвырнул его из коллегии адвокатов.

Грегори поднял с пола саквояж.

— Сочувствую, — сказал он без всякого выражения. — И чем закончилось ваше дело против Бортмана?

Кристиан уставился в темень за окном.

— Оно и не начиналось. Через какое-то время, когда я стал действовать им на нервы, меня

навестили следователи из Всемирного бюро. Предложили навсегда убраться в Штаты. В Европу я приехал получить степень и теперь возвращаюсь. Барбитураты нужны мне, чтобы удержаться и не пытаться бросить бомбу в Бортмана.

Внезапно он пролетел через комнату и, прежде чем доктор успел остановить его, выскочил на балкон и перегнулся через перила. Грегори прыгнул за ним и попытался оттащить от края. Кристиан не только не сдался, но и принялся кричать в темноту. Внизу, по мокрой улице, проносились машины. Прохожие останавливались на тротуаре и смотрели вверх.

В конце концов оба упали в комнату, и Кристиан расхохотался, рухнув на кровать и тыча пальцем в доктора, который стоял, прислонившись к шкафу и хватая воздух открытым ртом.

— Большая ошибка, доктор. Уматывайте-ка отсюда побыстрее, пока я не навел на вас полицию. Предотвратили самоубийство! Господи, да вы, учитывая прежние заслуги, десятку наверняка получите. Вот так шутка!

Грегори схватил его за плечи и сердито встряхнул.

— Слушай, что за игру ты ведешь? Чего хочешь?

Кристиан оттолкнул доктора и бессильно откинулся на кровать.

— Помогите мне, доктор. Я хочу убить Бортмана. Только об этом и думаю. Не буду осторожен, наверняка попытаюсь. Покажите, как мне забыть о нем. — Подстегнутый отчаянием, голос взлетел. — Черт, я ненавидел отца и радовался, когда Бортман вышвырнул его из коллегии…

Грегори задумчиво посмотрел на юношу, потом подошел к окну и закрылся от ночи на задвижку.

Спустя два месяца в мотеле рядом с Касабланкой Грегори сжег наконец последние аналитические заметки. Кристиан — чисто выбритый, в аккуратном белом костюме с неброским галстуком — наблюдал, стоя у двери, как сгорает в пепельнице стопка зашифрованных записей, а потом отнес ее в ванную и спустил пепел в унитаз.

Молодой человек уже загрузил свои чемоданы в машину, когда доктор сказал:

— И еще, прежде чем мы отправимся. Добиться полной эффективности за два месяца невозможно, тут и двух лет мало. Тебе предстоит работать над этим всю жизнь. Если случится рецидив, приезжай ко мне, даже если я буду на Таити, в Шанхае или Архангельске. — Он помолчал. — Знаешь, что случится, если они узнают?

В ответ Кристиан молча кивнул. Грегори сел на стул за письменным столом. В миле от отеля, между финиковыми пальмами, виднелся громадный куполообразный въезд в трансатлантический туннель. Он давно знал, что не сможет расслабиться. Странно, но его не оставляло ощущение, что три года в Марселе прошли впустую, что отложенный приговор с неопределенным сроком начинается только сейчас. Никакого удовлетворения от успешно проведенного лечения не ощущалось — может быть, потому, что он занимался с Кристианом отчасти из страха быть обвиненным в нападении на Бортмана.

— Теперь, если все сложится удачно, ты сможешь жить в мире с собой. Постарайся не забывать, что какие бы злодейства ни совершил в будущем Бортман, к твоей проблеме он отношения не имеет. Только приступ, перенесенный твоей матерью после смерти твоего отца, привел тебя к осознанию вины, которую ты ощущал подсознательно из-за того, что ненавидел его, но ты перенес вину на Бортмана и думал, что уничтожив его, освободишься сам. Соблазн может возникнуть снова.

Кристиан, неподвижно стоявший у двери, снова лишь молча кивнул. Лицо его за последнее

время округлилось, серые глаза были спокойны и безмятежны. Он выглядел как какой-нибудь чистенький и аккуратный бюрократ Объединенного мира.

Грегори подобрал газету.

— Я так понимаю, что Бортман нападает на Ассоциацию американских юристов, называя ее подрывным органом, и, возможно, намеревается объявить ее вне закона. Если у него получится, это будет тяжелый удар по гражданским свободам. — Он посмотрел на Кристиана, который не выказал ни малейшей реакции. — Ладно, пошли. Ты все еще настроен вернуться в Штаты?

— Конечно. — Кристиан сел в машину и пожал доктору руку. Грегори решил остаться в Африке, найти работу в какой-нибудь больнице и потому отдал машину Кристиану. — Мари будет ждать в Алжире, пока я закончу свое дело.

— Какое дело?

Кристиан повернул ключ, и мотор взревел, взметая пыль и изрыгая отработанные газы.

— Я намерен убить Бортмана, — спокойно сказал он.

Грегори ухватился за ветровое стекло.

— Не шути так.

— Вы вылечили меня, доктор, и я, с поправкой

на общепринятые рамки, совершенно здоров. Здоров, как, наверно, никогда уже не буду. В нашем нынешнем мире таких чертовски мало, и это тем более накладывает на меня обязательство действовать рационально. Логика говорит мне, что кто-то должен постараться устранить заправляющий тут всеми жуткий зверинец, и Бортман представляется хорошей кандидатурой для начала. Я поеду в Лейк-Саксесс и застрелю его. — Он переключил передачу и добавил: — Не пытайтесь меня остановить, потому что тогда они откопают наш с вами затянувшийся уик-энд здесь.

Он убрал ногу с педали.

— Кристиан! — крикнул Грегори. — Тебе это так не сойдет! В любом случае ты попадешься!

Машина вырвалась из-под его руки.

Грегори пробежал за ней в поднятой пыли, спотыкаясь о выступающие из земли камни. Он знал, что когда они схватят Кристиана и заглянут в его прошлое на несколько месяцев, то поймут, что настоящий убийца — ссыльный доктор с затаенной трехлетней обидой.

— Кристиан! — крикнул он, задыхаясь от белой пыли. — Кристиан, ты безумец!

1961

The Insane Ones. Первая публикация в журнале

Amazing, январь 1962.

Перевод С. Самуйлова